

Черный Квадрат

Питер улыбнулся ей с рассеянной нежностью. Мыслями он, казалось, бесконечно далеко.

Франсуаза капризно надула губки (и без того довольно пухлые). Она не любила недостаток внимания, тем более - со стороны мужчины, который (по задумке) должен был влюбиться в нее по уши. Пока же дело ограничивалось взаимной сильной симпатией, но и только. А этого мало, безусловно мало! По крайней мере, - для ее целей.

-Питер! - жеманно воскликнула она. - Ты меня не слушаешь вовсе!

Он перевёл на неё взгляд и улыбнулся более осознанно:

-Прости... о чем ты говорила?

-О том, что ты обещал написать мой портрет! - обиженно напомнила девушка. - Помнишь?!

Не нужен ей был никакой портрет. То есть идея сама по себе заманчивая... но не в исполнении Питера. Его работы Франсуазе не слишком нравились. И девушку коробило при мысли, что он изобразит ее в духе Модильяни, который в своё время увековечил образ Анны Ахматовой.

«Как гениально! - восклицали знатоки. - Всего пара штрихов, а каков эффект!». Франсуаза поддакивала с умным видом, хотя на деле не видела ничего гениального в

работе маэстро. Если уж рисовать, то выписывая облик до последней детали! Ну разве она не права?!

Однако пускай девушка и не вполне понимала прелесть столь лаконичных картин, кое-что в работе Модильяни ее прельщало... а именно - обнаженная натура. Логично предположить, что великая поэтесса позировала господину Амадео нагой... ведь так? И этот опыт Франсуаза намеревалась повторить с Питером. И если молодой художник гетеросексуален (а ей казалось, что да), столь откровенные сеансы позирования просто обязаны возбудить его... во всех смыслах слова! Ведь, по слухам, между мадам Ахматовой и Амадео М. тоже была любовная связь. Чем они с Питером хуже?

“Если и это не сработает... значит, он все-таки из другого теста” - подумала Франсуаза. Уж в чем-чем, а в силе своей сексуальности она нисколько не сомневалась. И если вид ее обнаженных прелестей не вдохновит Питера на амурные подвиги... что ж, значит, он предпочитает мужчин. И точка. Другого объяснения быть априори не могло.

Желая напомнить себе, что устоять перед ее чарами невозможно, Франсуаза достала пудреницу и сделала вид, будто поправляет макияж. В миниатюрном зеркальце отразилось ее хорошенькое личико, никаких изъянов: нос вполне точеный, брови и ресницы темные даже без косметики, кожа чистая и по-прежнему свежая, глаза миндалевидной формы смотрят с лукавым озорством. Мила, однозначно мила!

Девушка захлопнула пудреницу и перевела взгляд на Питера, дремавшего над своей чашкой остывающего кофе. Тоже неплохо выглядит, между прочим! Внешность для мужчины не главное, но Питеру жаловаться на судьбу в этом отношении не приходилось: высок, статен, широкоплеч, с темными волосами до середины шеи, свободно падающими на уши. Его отличала эдакая томная бледность, придавая образу молодого человека некоторую поэтичность и подчеркивая его творческую натуру.

“С виду ему лет 25, не больше! - не без зависти подумала Франсуаза, зная, что Питер гораздо старше. - Может, где-то стоит стареющий вместо него портрет?”

Девушка не сдержала смехок, вообразив этот придуманный ею портрет. Забавные мысли порою приходят в голову...

-Над чем смеешься? - настороженно поинтересовался Питер.

-Да так... - уклончиво отозвалась Франсуаза, улыбаясь уголками губ. - Неважно. Лучше скажи, ты не передумал писать мой портрет?

-Вовсе нет! С чего бы? Если ты на самом деле этого хочешь...

-Хочу! - с энтузиазмом подтвердила красотка. И не слишком покривила душой... в конце концов, она действительно жаждет, чтобы он писал ее портрет... хотя ее цель не та, что лежит на поверхности.

-Тогда договорились! - весело резюмировал Питер и залпом допил свой кофе.

Они сидели в кафе неподалеку от Эйфелевой башни, расположившись у самого окна. Чудесное место... если умудришься отыскать свободный столик, конечно. Туристов очень прельщало это заведение, и обычно тут было не протолкнуться.

Однако Питер здешних прелестей не признавал и не понимал.

-Не знаю, почему ты настаиваешь приходить именно сюда, - сказал он с досадой. - Столько народу... даже утром.

-Тут... хорошая атмосфера, - пробормотала девушка, пожимая плечами. Не говорить же, в самом деле, что ее привлекает это кафе как былую туристку... у истинной парижанки наверняка имелись бы более камерные ресторанчики на примете.

Она бросила взгляд в сторону окна. Там, на улице, шла своя стремительная и нарядная жизнь, праздничная и бессуетная... с точки зрения Франсуазы, по крайней мере. Она истово завидовала всем этим людям. Они имели право тут находиться. Она же - нет. Нет. Она здесь гостя, причём незаконная.

-Ты допила? - осведомился Питер с нетерпением в голосе. - Тогда пошли, ты ведь хотела увидеть мои последние работы.

Да, подобное желание она действительно изъявляла... на словах. И ее забавляло, что Питер настолько доверчив. Мужчины весьма самолюбивы, им и в голову не приходит, что пылкие похвалы дам могут быть не слишком-то искренними. И если девушка говорит "Ты гениальный художник, поэт, дизайнер (нужно подчеркнуть)!", она имеет в виду нечто иное, а именно: "Я хочу тебе нравиться!". То есть не всегда, конечно... но иногда - несомненно.

Впрочем, Франсуаза оставила эти мысли при себе. Чрезмерная откровенность вредна для здоровья... и счастья.

-Да, я готова идти, - с деланной готовностью сказала она вслух. - Ты ведь говорил, картины лучше смотрятся утром, правда?

-Да, утренний свет выгоден в этом смысле, - важно кивнул мужчина, поднимаясь.

Франсуаза мысленно фыркнула. Она сомневалась, что даже самый выгодный свет, утренний или вечерний, способен как-то спасти мазню Питера... то есть никакую не мазню, а "шедевральные работы".

Но опять же... некоторые вещи лучше оставить невысказанными.

* * *

Молодой художник жил в роскошных трехкомнатных апартаментах, расположенных в престижном парижском районе. Мало кто мог позволить себе снимать квартиру в подобном месте (и уж тем более владеть ею). И если Питер мог... что ж, это говорило в пользу его платежеспособности.

"Наверняка у него обеспеченные родители!" - подумала Франсуаза. Работы у Питера, насколько она знала, не было, творчество не приносило дохода (что ее совсем не удивляло)... так откуда средства? Родственники, не иначе. А значит, он станет отличной партией. Идеальной.

Ради эдакого рыцаря не грех рассыпать лживые комплименты направо и налево. Чем Франсуаза и собиралась заняться прямо сейчас.

Она пришла в гости к Питеру не впервые... она уже посетила его гнездышко пару недель назад. Тогда девушка тоже изъявила желание "полюбоваться его работами". Правда, в тот раз Франсуаза питала надежду, что картины ей понравятся. Увы, ее ждало

разочарование, скрыть которое удалось лишь благодаря врожденному актерскому дару. Зато сейчас она была подготовлена, а потому сложностей не предвиделось.

-Итак, что у тебя появилось новенького? - с преувеличенным энтузиазмом поинтересовалась Франсуаза, переступая порог его студии. Роль последней выполняла просторная светлая комната с окнами в полстены. Мебели не было никакой, если не считать старенькой софы и длинноногого табурета (примерно такие же, по мнению Франсуазы, встречались в ресторанчиках и обычно располагались у барной стойки).

Вместо мебели пространство зала заполняли мольберты с начатыми работами, холсты, флаконы и тюбики с красками, кисти и прочее в том же роде. Все это находилось в беспорядке, бессистемном хаосе, свойственном многим творческим людям. Кое-какие полотна валялись прямо на полу, иные были осторожно прислонены к стене, часть занимали софу. Пахло чем-то химическим, резким, и у Франсуазы сразу засвербило в носу.

“Не хватало только расчихаться в столь ответственный момент!” - с испугом подумала она и сделала глубокий вдох, надеясь успокоиться. Отчего-то ей сделалось тревожно, и поставленная самой себе задачка вдруг представилась более сложной, чем думалось изначально.

Франсуаза огляделась по сторонам, пытаясь вспомнить, какие из картин уже видела. Было бы неплохо самой догадаться, над чем работает Питер. Однако память, обычно неплохая, ее подвела. Да и не рассматривала девушка его картины так уж внимательно в прошлый визит, скорее, просто изображала внимание и интерес. Запомнила только, что Питер как будто не определился с манерой, в которой пишет, и пробует себя в разных стилях.

Некоторые полотна Франсуазе напоминали беспорядочный набор цветных пятен (это, видимо, абстракция?). Другие были исполнены кубически... что ей нравится меньше, гостя пока не решила.

“Интересно, а меня он как изобразит? - не без содрогания подумала она. - В виде пятен? Или как Пикассо в зрелые годы?”

Пожалуй, Франсуаза бы предпочла первый вариант. Впрочем, восторгаться придётся любым результатом. Более того, Питер наверняка ожидает, что она повесит свой портрет у себя дома... верно? Девушка поёжилась при этой мысли и поспешила заговорить, чтобы унять так некстати распоясавшееся воображение:

-Ну, веди скорее! Интересно же... - в ее голосе прозвучало деланое нетерпение; пускай он думает, будто ее нервозность вызвана именно желанием увидеть его работы.

Питер самодовольно улыбнулся; видимо, поверил в ее восторги.

-Вот, смотри, - проговорил он и потянул ее к мольберту у окна.

...Франсуаза изучала холст не менее минуты. Изучала - и пыталась понять, как относится к увиденному.

-Это... в духе Казимира Малевича? - проявила эрудированность она.

Других ассоциаций у неё возникнуть и не могло. На холсте был изображён чёрный прямоугольник, расположенный вертикально. Идея не нова и явно перенята у

достославного Малевича. Однако если господин Казимир хотя бы проявил революционность мышления, то на что рассчитывал Питер? Превратить квадрат в прямоугольник - такой себе оригинальный подход.

-Нравится? - жадно всматриваясь в ее лицо, спросил Питер.

Ей не нравилось. Что тут могло понравиться, в конце-то концов? Впрочем, вслух она этого не сказала.

-Очень! - пылко солгала гостя и обернулась к художнику. Он стоял в полуметре от нее и выглядел таким довольным, таким трогательно гордым собой и своими достижениями, что Франсуаза едва не прыснула со смеха. Вместо этого она широко улыбнулась и протянула ему руку, лукаво спросила: - Ну что? Готов меня изобразить? Может быть... приступим?

-Прямо сейчас? - изумился Питер.

-А почему бы и нет? - пожала она плечами. - Или... у тебя иные планы?

Нет, никаких иных планов у него не было.

* * *

Утренний сеанс затянулся... и завершился именно так, как и рассчитывала Франсуаза. Ее обнаженные прелести вдохновили маэстро на подвиги... чего и следовало ожидать.

Да, Питер оказался гетеросексуален, причем доказал свою традиционную ориентацию на деле. Неплохо доказал, кстати говоря. Девушка знала толк в любовниках, и миловидный художник в постели проявил себя куда лучше, чем в творчестве.

Впрочем, не в постели, нет. Никакой постели поблизости не было, и все свершилось прямо на полу, среди красок и холстов.

-Как... неожиданно, - сонно пробормотала она, когда любовный накал остался воспоминанием, и они, по-прежнему нагие, лежали в объятиях друг друга.

Питер хмыкнул, не размеживая век. Его клонило в сон, и он не старался скрыть своей вялости.

-Тебе смешно? - изобразила обиду девушка и приподнялась на локте, чтобы заглянуть ему в лицо. Он лежал на спине, закинув одну руку за голову, а второй приобнимая Франсуазу. Вернее, приобнимал, пока она не отстранилась от него.

Питер приоткрыл один глаз и постарался сфокусироваться на своей музе:

-Просто не так уж это неожиданно... - постарался пояснить он. Язык с трудом ворочался, мышцы подчинялись воле хозяина как будто неохотно. - Ну... когда ты сказала, что хочешь, чтобы портрет изображал тебя... хм... в естественном виде... я опасался такого итога. Думаешь, легко себя контролировать? Да и ты не против была...

Еще бы! Она была всецело ЗА. Однако пускай ее готовность пополнит список вещей, о которых говорить ни в коем случае нельзя.

-Я потеряла голову, - призналась девушка якобы смущенно и даже покраснела: она умела краснеть по заказу (кстати, как и плакать). - Я... не смогла устоять.

Питер улыбнулся, удовлетворённый ее ответом, и снова закрыл глаза. Франсуаза пристроилась рядом и прижалась к его горячему, ладно скроенному телу. Устроив голову у него на плече, девушка принялась водить пальцем по его обнаженной груди, выписывая невидимые абстрактные узоры.

-А где твои родные? - после продолжительной паузы решилась спросить она. Постаралась задать вопрос небрежно, словно промежду прочим.

-Какие именно? - лениво проворчал Питер. - Наверно, интересуется, есть ли жена и дети?

В лицо ей бросилась краска. Черт, он не так уж и глуп... хотя на сей раз не угадал. Она была уверена, что он не женат. Дети, может, и есть какие-нибудь... мужчины не всегда в курсе, имеется ли у них потомство. А вот жены у Питера точно нет. Своему чутью в таких делах Франсуаза доверяла.

-Не только, - наконец заговорила девушка, в голосе прозвучала досада. - Родные это не только жена и дети. Родители тоже... братья и сёстры.

Ей действительно хотелось знать, что представляют собой его могущественные родичи. Ведь кто-то даёт ему средства? Питер с лёгкостью сорит деньгами... живет в элитном районе... никаким теневым бизнесом не руководит... вроде бы.

-Умерли, - последовал лаконичный ответ.

«Ага! Он богатый наследник!» - возликовала Франсуаза. Придав лицу скорбное выражение, сочувственно спросила:

-О! И давно ты... потерял всех?

Он пожал плечами.

-Давно. Столетия назад.

-Еще ребёнком? - скорректировала его странноватый ответ она.

-Ну... вопрос сложный. Нет, не ребёнком... но именно века назад. Впрочем, я все ещё лелею надежду их вернуть. Вернее, вернуться к ним.

«Он что, безумен?!» - с трепетом подумала девушка. Ей вдруг захотелось отодвинуться от него... так, на всякий случай. Или он просто неумело шутит? Или вполне умело, а у неё плохо развито чувство юмора? Нет, сначала нужно понять, что к чему, а потом уже паниковать.

И Франсуаза не стала отстраняться от него, наоборот, прижалась ещё теснее. Однако Питер успел уловить момент, когда ее тело напряглось, сжалось подобно пружине... и угадал причину.

-Думаешь, я ненормален? - ухмыльнулся он. - Не переживай. Я адекватен.

-Я не переживаю, - с фальшивой бодростью произнесла она. - Я немного удивилась, вот и все.

-Ха! - не поверил Питер. - Конечно, ты решила что я псих. Но это не так... и знаешь, я не против рассказать тебе свою историю. Хочешь услышать?

Ещё бы она не хотела! Разумеется, хочет. И Франсуаза бурно выразила свое желание вслух.

-Отлично! - сказал Питер, рывком поднимаясь. - Тогда нам кое-что нужно.

Девушка, не ожидавшая подобного прыжка, тоже села, удивленно взглянула на него снизу вверх:

-И что же?

-Вино! - сообщил молодой человек и удалился стремительной походкой в сторону двери. Своей наготы он нисколько не стеснялся.

Франсуаза проводила насмешливым взглядом его стройную, подтянутую фигуру. Хорош, хорош. Остается его захомотать. Плевое дело...

* * *

Питер вернулся с бутылкой сухого красного вина и коробкой шоколадных конфет в разноцветных фантиках. На нем был банный халат, а Франсуазе он протянул широкое махровое полотенце.

-В моих халатах ты просто утонешь, - пояснил молодой человек извиняющимся тоном.

-Спасибо, - улыбнулась она, проворно завернувшись в полотенце.

Так даже лучше. Халат скроет все, а полотенце позволит обнажить некие соблазнительные части тела... к счастью, и плечи, и ноги у неё превосходные. Пускай украдкой (или вполне открыто?) любитесь ими.

-Итак? - поторопила собеседника девушка, когда они расположились на полу, окружив себя бокалами и конфетными обертками. Перемещаться в другую комнату ни одному из них не хотелось. Питеру было лень, а его любовница боялась нарушить интимность атмосферы. Сидеть чинно за столом и вести светскую беседу? Ни за что!

Питер исторг душераздирающий вздох и потянулся к бутылке вина. Плеснув в оба бокала по чуть-чуть, с досадой произнес:

-Ты не поверишь мне. Наверно, не стоит ничего рассказывать.

Франсуаза тоже была уверена, что вряд ли поверит в его историю, если она столь же безумна, как и сделанное четверть часа назад вступление. Как он сказал? Что-то про родственников, умерших века назад, и желание вернуться к ним? Дикость дикостью.

Но опять же... не нужно проявлять излишнюю откровенность и спешить с выводами. Правильнее будет подыграть немного... а там посмотрим.

-Я поверю, - горячо пообещала девушка, подавшись к нему. Наклонилась якобы без задней мысли, неосознанно, однако на самом деле четко контролировала каждый свой жест. Она не сомневалась, что буквально излучает эротические флюиды, и знала, как усилить эффект притяжения.

Питер как замороженный уставился на верхнюю кромку полотенца... вернее, на активно выступающие над нею снежно-сахарные холмики груди... зрелище было донельзя соблазнительным, и молодой человек поспешно отвернулся и отпил вина из бокала. Глоток получился мощным, и парень судорожно закашлялся.

-Хорошо, слушай, - отдышавшись, сказал он и начал свой диковинный рассказ.

История и в самом деле была чудной. Франсуаза слушала с показным вниманием и пыталась сделать вид, будто верит услышанному... хотя поверить в подобное было непросто.

Итак, со слов Питера выходило, что он родом из далекого прошлого... откуда-то из Франции, но Франции образца минувших веков. Мол, он жил в небольшой деревеньке, рос в многодетной семье (а какой ещё? Тогда только такие и были в основном). И умер бы он тоже наверняка там, да вот не сложилось.

-Был у меня друг... - задумчиво вещал Питер, грея в ладонях бокал с вином. Взгляд расфокусировался, словно «путешественник во времени» пытался заглянуть в прошлое и увидеть родную деревеньку. - Ну... ровесник мой. Рисовальщик. Очень одаренный. Очень самолюбивый. Знал, что талантлив, чертяка, и вёл себя порою нагло... но умел обаять, когда хотел. И гениален как бог! Хотя кому в деревне прок от его таланта? Так, баловался понемногу... ну мог чей-то портрет написать, если упрасивали.

-А... где он сейчас? - неуверенно спросила Франсуаза, поневоле увлечённая причудливым рассказом. Пускай это лишь фантазии человека с воображением, но до чего же волшебные!

Питер вздохнул и в очередной раз пригубил вина:

-Там остался. Как и все мои... знакомые. Из-за него я, собственно, и попал в переплёт.

-Как так? Почему?

Парень пожал плечами:

-Его картина! Лучшее из того, что он создал. Я как ее увидел, так и обалдел. Она прям, как дышит, говорю ему... он посмеивается. Видно, что доволен и горд. Ну я любовался, любовался... восхищался. Короче подарил он ее мне. А картина оказалась с подвохом.

-И каким же? Что за подвох?

Что и говорить, на выдумку он оказался силен! Ему стоило бы писать книги, а не рисовать...

-Даже не знаю, как объяснить... потому что и сам толком не понимаю, что произошло. И происходит с тех пор. Эта картина, она оказалась... ну как будто дверью в другой мир. Или в другое время.

-В будущее? - понизила голос Франсуаза, по телу ее прошла дрожь. Представилось, что нечто подобное произошло бы и с нею... жуткая перспектива!

-Возможно, - уклончиво ответил Питер. - Мне кажется, что да... но это только мои догадки. Быть может, я просто очутился в совершенно другом мире, который напоминает будущее моей родной реальности.

-Ты очутился здесь? - уточнила Франсуаза, морща лоб. - В Париже 21 века?

Он мрачно покосился на нее:

-Здесь? Ха! Если бы... ты не представляешь, сколько раз мне пришлось пересекать границу времени!

-Что-о? - изумилась Франсуаза. История становилась все менее правдоподобной. - Не понимаю!

-Как бы я хотел сказать, что понимаю... но я, как и ты, не имею ни малейшего представления, что происходит. Могу лишь высказать предположение.

-Давай! - подбодрила его она.

-Итак, видимо, существуют художники с особым даром. Они создают картины, которые могут служить своего рода проходом в другой мир. Или в другое время.

-Но если бы это было так, люди исчезали бы толпами! - на долю мгновения забыв о роли, которую играет, прервала его Франсуаза. - А это происходит только с тобой... ну или не только с тобой, но явно редко.

Питер нахмурился:

-Ну, наверное, и я тоже... как бы помягче выразиться? Не без дара.

"Или не без придури?" - язвительно подумала Франсуаза, а вслух сказала:

-Дар пересекать миры? Или путешествовать во времени?

Питер с подозрением глянул на нее, явно пытаясь уловить скрытую издевку в ее словах:

-А что? Такого быть не может?

"Не может!" - мысленно подтвердила она. Но зачем его разочаровывать? Не ей судить.

-Трудно сказать, что может быть, а чего не может, - с глубокомысленным видом заявила она. Помедлила, прежде чем продолжить: - А... как давно... ты так вот путешествуешь?

-Давно, - отозвался Питер. - В некоторых мирах я задерживаюсь ненадолго. В некоторых живу несколько лет. Не всегда удается вот так сразу найти картину с ключом... с проходом в другую реальность.

-А зачем искать? Чем тут плохо?

Питер посмотрел на нее, как на ненормальную:

-Конкретно тут вполне хорошо, хотя поверь, иные из миров просто ужасны. Но дело не в этом ведь! Я хочу вернуться в свой мир. В свое время. Свое, понимаешь?

-Понимаю, - мягко произнесла гостя и осторожно коснулась его руки, стараясь успокоить. - Очень хорошо понимаю. Но, наверно, утомительно постоянно странствовать?

-Утомительно, - не стал спорить парень. - Но есть положительные моменты... например, я каждый раз словно... ну как будто подвергаюсь процедуре омоложения. Я не просто прохожу в другой мир... я как бы сбрасываю с себя парочку лет.

-Вот потому ты так отлично и молодо выглядишь! - весело заметила Франсуаза, чуть позабавленная. - А я-то гадала, где твой стареющий вместо тебя портрет!

-Не смейся, - насупился Питер. - Лично мне совершенно не до смеха... я уж сбился со счета, сколько раз пришлось заново приспосабливаться к новому времени. Думаешь, легко?

-Понятия не имею, - содрогнулась Франсуаза. - Мне кажется, это невозможно. Просто невозможно.

-Почему нет? - Питер как будто обиделся. - Полагаешь, я тупой?

“Я вот-вот все испорчу, - с волнением подумала красотка. - Нужно как-то исправить ситуацию”

-Нет-нет! - поторопилась возразить ему она. - Но... я пытаюсь поставить себя на твое место. Вот я оказалась в неизвестном мне мире. Все говорят на непонятном языке... обычаи пугают... все другое! Как тут не свихнуться?!

-Конечно, ты права, - неохотно признал Питер. - И в обычных условиях я бы давно оказался в сумасшедшем доме. Но... условия-то необычные. Видишь ли... когда я прохожу сквозь очередную картину, со мной происходит что-то странное...

-Неужели? - не сдержала смешок Франсуаза и тотчас прикусила язык. К счастью, собеседник был слишком увлечен собственным рассказом и не расслышал ее ехидный комментарий.

-Ведь я почти не старею, как видишь... и... во мне вдруг открываются неведомые ранее способности. Главное - продержаться первые часы в новом мире, а потом все пойдет как по маслу.

-То есть? В каком смысле?

-А в таком, что я, например, начинаю понимать язык людей вокруг. Хотя поверь мне, французы времен моей юности говорили совсем не так, как твои современники. Тем более что я могу оказаться вообще в стране, мне незнакомой! Один раз я очутился на Диком Западе, вот уж где натерпелся страху! Так вот, тамошнюю речь я тоже к концу суток начал понимать. И разговаривать на местном диалекте приспособился! Поначалу с акцентом, а потом как абориген.

-Наверно, у тебя развитые лингвистические способности, - с улыбкой предположила Франсуаза, потянувшись к конфетам. Она следила за своим весом, а потому лакомиться сладким приходилось с превеликой осторожностью... но сейчас явно был не лучший момент, чтобы придерживаться диеты! - Я слышала о таких людях.

-Не только языки, - с досадой продолжил Питер, будто задетый, что не вполне впечатлил свою гостью. - Все складывается как нельзя лучше! Всегда!

-Разве это плохо? - утомленно пробормотала Франсуаза; девушку начал угнетать его бесконечно долгий рассказ... сохранять видимость интереса становилось труднее.

-Да почему плохо? - поморщился парень. - Просто так не бывает!

«А путешествия во времени, конечно, бывают!» - иронично подумала девушка.

-Мне ничего не надо предпринимать! Все само плывет плывет руки! Например, эту квартиру мне подарили... одна пожилая дама. Мы полчаса побеседовали в кафе, а на утро я оказался владельцем шикарных апартаментов.

-То есть как? - изумилась Франсуаза и даже огляделась по сторонам, словно заново оценивая «шикарность» апартаментов. - В смысле подарила?! Взамен... чего?

-Кофе, милая моя, только кофе. Припудренное моим несравненным обаянием... - тонко улыбнулся молодой художник. - Не веришь?

-Ну... - растерялась Франсуаза, к ее щекам прилила густая кровь. Сказать ему, что верит, - значит, откровенно солгать... он почувствует ее неискренность. Лучше опять предложить удобную полуправду. - История звучит немного странно, согласишься. Думаю, эта дама на что-то рассчитывала. Или перепутала тебя с кем-то? Любимым племянником, например?

Он пожал плечами и залпом допил вино. Снова потянулся к бутылке.

-Все может быть. Суть в том, что такие вещи происходят каждый раз! В каждой новой реальности. Я никогда ни в чем не нуждаюсь. Все берётся словно из ниоткуда.

Гостья повела плечами, ей сделалось зябко. Она тоже пригубила вино - которое, в отличие от собеседника, пила осторожнее. Опьянеть в ее планы не входило.

-А деньги? Ты... не экономишь. Много тратишь. Откуда они?

-Они просто всегда есть. Вот и все.

-Вот бы и мне так... - пробормотала она, опуская взгляд. Развернула ещё одну конфету и с наслаждением надкусила. Ах, как сладко, как вкусно... но пора остановиться. Эта уже лишняя. Впрочем, без порции глюкозы никак не справиться с обилием вывалившейся на нее информации.

-Ну... это все до поры до времени, - вздохнул Питер. - Наступает момент, и мир начинает меня выталкивать.

-Каким образом?

-Разными, - пожал плечами мужчина. - Если сначала все происходит, как в чудесной сказке, то потом сценарий меняется... меня перестают узнавать, не пускают в собственный дом. Как будто реальность и тот, кто ею управляет, наконец-то осознают, что я чужак, и принимают меры.

-Значит, тебе нельзя поселиться тут навсегда, - резюмировала Франсуаза. Поколебавшись, взяла еще одну конфету и поклялась себе, что она последняя. Больше никакого сладкого до конца недели! - Эх...

-Вот именно, - печально согласился Питер. - Теперь ты понимаешь, что я не могу не искать... особенные картины? Те, которые помогут мне вернуться в свой настоящий мир? У меня нет иного выхода.

-Пожалуй, - протянула девушка.

Они погрузились в молчание, разговаривать не хотелось. Впрочем, никакого напряжения или неловкости ни Питер, ни его муза не ощущали... тот редкий случай, когда и молчать, и беседовать приятно.

"Мы бы составили с ним хорошую пару, - рассеянно подумала Франсуаза. - Жаль, что он не совсем нормален..."

-А где ты был до этого? - наконец, нарушила воцарившуюся тишину красотка. - Какой мир посетил до того, как оказался в нашем столетии, в Париже?

-Я был другом старины Казимира, - лениво отозвался Питер. Он сидел, прислонившись к стене, и казался донельзя умиротворенным; видимо, выпитое вино дало о себе знать, и парень сохранял бодрствующее состояние из последних сил. - Жил в 20 веке.

-Казимира? - ахнула Франсуаза, выпрямляясь. - То есть... Малевича, что ли?

-Ну а какого еще? - проворчал он. - Собственно, именно его Черный Квадрат стал очередной... ммм... дверью в будущее.

-Даже так? - девушка обвела просторный зал задумчивым взглядом и остановила его на последнем "шедевре" маэстро. - Поэтому ты и... изображаешь все эти вещи?

-Ну да. Надоело искать таланты. Решил испытать собственные силы.

-И как? - не без труда пряча усмешку, поинтересовалась Франсуаза. - Успешно?

Питер приоткрыл один глаз и искоса глянул на нее:

-Разве не очевидно? Пока не слишком успешно... но я не сдаюсь. Не сдаюсь.

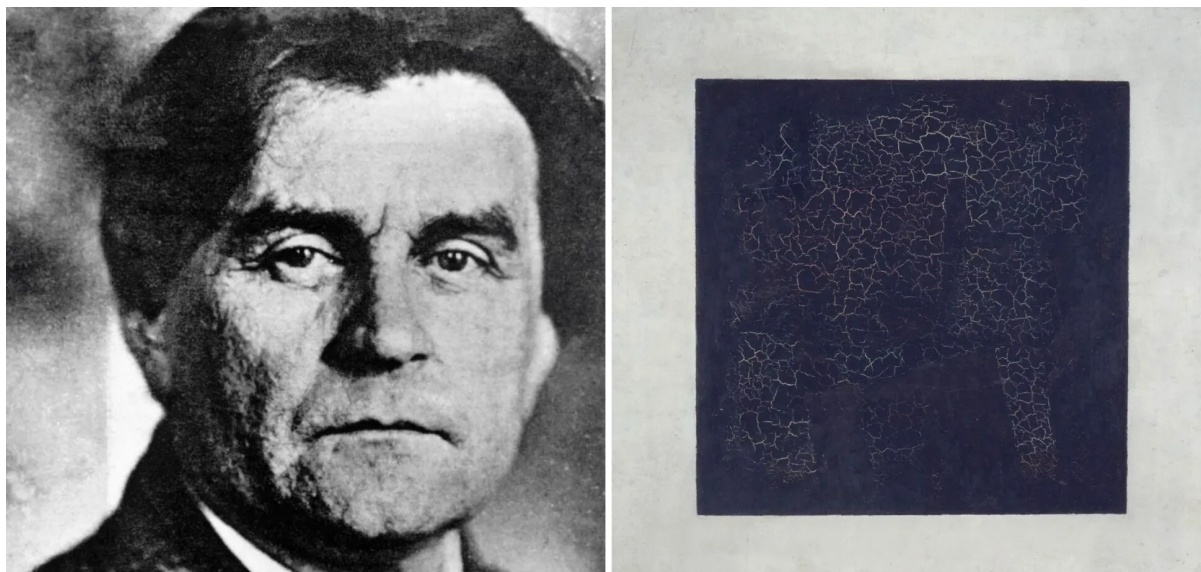
Он вновь смежил веки и как будто задремал. Девушка тем временем обдумала его слова, после чего спросила:

-А почему бы не посетить музей, в котором находится Черный Квадрат? Честно говоря, не знаю, где эта картина сейчас... но она ведь явно доказала свою... хм... эффективность. То есть раз она однажды послужила... эээ... дверью в иное время... значит, трюк снова может сработать?

Видимо, поняв, что мечта поспать прямо сейчас не исполнится, Питер со стоном потянулся, выпрямился и мрачно покосился на собеседницу.

-Да, сработает. Но куда ведет эта дверь? Вдруг я вернусь обратно? То есть в те времена, когда жил Малевич?

-Это плохо? - подняла брови гостья. - Я была бы не против познакомиться с Малевичем... видимо, интересный был человек.

-Да уж, талантище, - скупно признал мужчина, поморщившись. - Сейчас принято над ним посмеиваться... мол, такой себе шедевр, подумаешь, изобразил квадрат и покрасил в

черный цвет! Но на самом деле вы не понимаете, что Малевич совершил нечто революционное... по тем временам.

-Я ведь не спорю, - примирительно сказала Франсуаза, хотя тоже не видела ничего гениального в творении господина Казимира. Впрочем, она признавала, что работы Малевича были весьма необычными, самобытными и оригинальными. - А раз так, почему бы тебе не воспользоваться этой картиной, чтобы вернуться в те времена, когда жил ее создатель?

Питер передернул плечами, одна мысль о возвращении во времена Малевича вызвала у него озноб:

-Ну уж нет! Мне там совершенно не нравилось. Россия эпохи СССР... радости мало. Да и вообще, думаешь, все так просто? Постоял у картины - и переместился в иное измерение?

-Откуда я знаю? - с досадой отозвалась девушка. - Я ведь твоим даром не обладаю.

-Скажи спасибо... что не обладаешь, - проворчал Питер. Глянул на насупившуюся Франсуазу и с легкой улыбкой привлек ее к себе, примирительно добавил: - Ладно, ладно, не дуйся... Я постараюсь объяснить. Понимаешь... каждый раз, когда мне удавалось воспользоваться картиной, как дверью, я тратил часы и даже дни, чтобы правильно настроиться. Обычно я владел картиной... или дружил с ее автором, как было с Малевичем. Так что посетить музей явно недостаточно.

-Ясненько... - протянула Франсуаза. - Остается рисовать самому... так?

-Ну да, - кивнул Питер. - Хуже ведь не станет.

* * *

Можно было поймать такси или воспользоваться метро, но Франсуаза никуда не спешила, а потому решила пройтись пешком. Путь неблизкий, однако погода чудесная, времени - прорва, почему бы не прогуляться? Тем более что ей было, о чем поразмыслить...

Например, ей предстоит решить, как отнестись к рассказу Питера.

"То есть рассказ - ерунда, конечно, - мысленно ухмыльнулась Франсуаза, припоминая детали повествования. - Бред бредом!"

Пускай бред... но какого рода? Одно дело - бред сумасшедшего... и совсем другое - безобидные выдумки человека с богатым воображением. В первом случае следует бежать сломя голову и не оборачиваться, а во втором - подыграть фантазеру, сделать вид, будто веришь его рассказам.

Девушка остановилась на перекрестке, поколебавшись минуту. Продолжить путь или зайти выпить кофе?

-Пожалуй, еще одна порция кофеина не повредит, - пробормотала Франсуаза и повернула обратно.

* * *

Десять минут спустя девушка уже сидела за столиком у окна, и перед нею исходила сладковатым паром большая порция капучино. Увенчанная пенной шапкой напиток

источал волшебный аромат, кружил голову. Или ее кружило осознание того, что она, Франсуаза, пьет свой кофе не где-нибудь, а в настоящей парижской кофейне?

Вокруг суетились люди, и в пространстве разливался их разноязычный разноголосый говор... было шумно, но девушка нисколько не возражала. Франсуаза не любила тишину, и ее не раздражало веселье туристов, опьяненных путешествием в город любви. Она понимала их чувства и отчасти разделяла.

И завидовала им! Завидовала их беззаботности и радости. Беспроблемности. Способности отделить «потом» от «сейчас». Ибо пока ты турист, никакого потом не существует, есть только здесь и только сейчас.

Как ей хотелось бы вновь стать столь же легкой на подъем! Стать Франсуазой из прошлого... вернуть себя юную.

“Хотя к чему кривить душой? - мысленно фыркнула красotka, зачерпнув ложечкой белую молочную пену. - Какая я к черту Франсуаза? Ирена она и есть Ирена”

Да, французенкой она не была, пускай и притворялась коренной парижанкой. На самом деле она - полька Ирена родом из Кракова.

Мало кто из ее подруг (вернее, бывших подруг, ведь она постаралась прошлое оставить в прошлом) понимал, зачем вся эта игра. Чем плохо быть полькой?

“Ничем, - отвечала она им. - Но я хочу быть парижанкой”

Бывает так: ты родился не там, где должен бы. Вот и она, Ирена (теперешняя Франсуаза), должна была бы появиться на свет на территории Франции. Что-то пошло не так в Небесной Канцелярии, и ее по ошибке отправили в Польшу. И сейчас девушка намеревалась исправить ситуацию.

Конечно, в 27 лет глупо исправлять ошибку времен младенчества (да еще и не свою, а самого Провидения!), но почему бы не попытать счастья? Хуже ведь не будет... скорее всего.

Ирена вздохнула и наконец-то отпила из своей чашки. Капучино успел остыть, однако тем лучше. Она не любила излишне горячие напитки.

-Вкусно... - пробормотала девушка себе под нос и подавила вздох. Ее всегда тянуло вздыхать, когда вспоминалось прошлое... вот как сейчас.

А вспомнить было что. В конце концов, она больше 10 лет проработала в модельном бизнесе и ездила по свету. Много видела, многое испытала. Собственно, по время одного подобного путешествия она и влюбилась в Париж... и поняла, что должна сюда вернуться. Вернуться не в роли манекенщицы и фотомодели, а в образе истинной французенки.

И вернулась. Пока, правда, жила тут буквально на птичьих правах... но то было началом.

Она придумала себе новое имя и из веселой польки Ирены превратилась в изысканную и томную парижанку Франсуазу. Придумала новую жизнь. Осталось найти способ сделать выдумку реальностью... и, кажется, способ нашелся - в лице Питера, конечно.

Да, Питер был ее шансом на успех, и она боялась его упустить. Если он на ней женится, все изменится. Кое в чем ему придется признаться... ну и что. Пускай он влюбится в нее (по-настоящему влюбится!)... влюбленный что угодно простит объекту своей страсти. Главное, что для всех прочих она, его законная супруга, будет очаровательной Франсуазой, исконной парижанкой. Ирена останется лишь воспоминанием. О ней будут знать лишь двое: она сама и ее Питер.

“Но если Питер ненормален? - с содроганием подумала девушка. - Что тогда?”

Что ж... придется рискнуть. Да и вообще, человека с толикой безуминки окрутить даже проще... игра стоит свеч.

* * *

Франсуаза давно ушла, и пора было приниматься за дела... однако он продолжал прокрастинировать. Такое с ним бывало редко, но если уж случалось, то выйти из состояния апатии оказывалось непросто.

В этот раз виновницей внезапного приступа лени была, конечно, обворожительная утренняя гостья... несостоявшаяся муза.

“Хотя почему несостоявшаяся? - мысленно поправил себя парень. - Я еще ее нарисую. Потом...”

Питер вздохнул и поплелся на кухню. Жутко хотелось есть, но он сомневался, что у него в холодильнике отыщется что-нибудь съедобное.

Увы, он угадал: ничего путного не отыскалось. Питер обнаружил только початую пачку с солеными крекерами, которые вряд ли могли утолить его голод.

Впрочем, всегда была возможность набрать номер доставки и заказать что-нибудь вкусное... например, пиццу. Да что угодно!

Что он и сделал... и уже полчаса спустя наслаждался мясным пирогом, который запивал солидной порцией кофе (тоже доставленным извне, кстати говоря).

Отличный мир, как ни крути! В его родной реальности все было иначе. Да и во времена старины Казимира никаких мобильных телефонов не существовало. Как изменились условия жизни меньше, чем за столетие... дивно!

“Вот только Франсуазе я зря обо всем рассказал” - с сожалением подумал Питер, впиваясь зубами в сочное тесто. Ел он в студии, расположившись прямо на полу. Тут было куда комфортнее, чем за столом в крохотной кухоньке или у окна в гостиной.

Эх, пора бы научиться держать язык за зубами. А то ведь каждый раз одно и то же! Как проведет ночь с интересной женщиной, так и пускается в ненужные откровения.

Но надо отдать Франсуазе должное. Она отреагировала на его рассказ вполне спокойно... совсем не так, как реагировали прочие его пассии.

Обычно его любовницы, выслушав причудливую историю, пугались и спешили ретироваться из апартаментов кавалера, явно считая того выжившим из ума. Изредка попадались и барышни, верившие ему... но делавшие это с неким религиозным энтузиазмом, бездоказательно и слепо. Ему столь фанатичная вера никогда не внушала уважения... скорее, корбила. Он много постранствовал по мирам и реальностям,

повидал немало эпох... и знал, как опасны фанатики, поклоняющиеся некой высшей идее.

Питер передернул плечами, невольно припомнив несколько неприятных случаев из собственного прошлого. Да, пару раз он едва не попал в ловушку, однажды чудом избежал аутодафе. Нет, нет, слепой веры ему не надо, даже если речь всего лишь о сладких идиотках с кукольной внешностью и пустой головой...

К счастью, с Франсуазой все было иначе. Она не испугалась, разве что в первый миг слегка напряглась... а потом взяла себя в руки и слушала без волнения, хотя и с долей скепсиса. И ему понравилось подобное отношение. В конце концов, как ещё реагировать на таинственный и неправдоподобный рассказ человека, с которым знакома без году неделя?! Только скептически!

И кстати... она тоже что-то скрывает. Он пока не разобрался, что именно, однако нисколько не сомневался: у очаровательной Франсуазы есть свой секрет. Пожалуй, наличие оного даже добавляло ей шарма... женщина без тайны лишена изюминки. Лишена харизмы.

Подкупало и то, что красotka довольно неглупа. И хитра... как умело расставляет свои сети, старается его очаровать, завоевать! Ноль шансов, конечно. Он слишком опытен (в силу обстоятельств), и его трудно обмануть. Но с другими представителями мужской братии ее фокус точно сработал бы.

Да и с ним сработал бы тоже... в былые годы. Во времена юности, оставшейся где-то там, в позабытых людми столетиях.

...В той «прошлой жизни» его звали Пьер. Питером он стал позднее. Да и вообще, он менял имена довольно часто, выбирая созвучные друг другу... и подходящие той эпохе (и стране), в которой находился. Например, будучи другом Казимира, он звался Петром.

Но начиналась его история как Пьера. Он обрелся в деревеньке близ Парижа и полагал, что здесь и пройдет его жизнь. Оказалось, его судьба куда интереснее...

Юность будущего путешественника во времени прилась на эпоху, когда люди были поголовно верующими, и волшебство и магия считались нормальными явлениями. Чудеса были редки, о да, но никто не относился к ним с презрительным недоверием. И Пьер тоже был мистиком... а потому не слишком удивился, когда картина Адриана, его близкого друга-рисовальщика, «оживла».

Тем более что Андриан всегда вел себя так, словно владел неким высшим знанием. Теперь-то Питер понимал, что в его приятеле просто играл юношеский максимализм и бурлила энергия молодости... но в те времена Пьер (тогда еще Пьер) принимал все за чистую монету и потому смотрел на друга не без пиетета.

А потом появилась она. Картина.

“Превосходно!” - изумленно воскликнул Пьер, впервые увидев творение друга.

Адриан надменно вскинул голову, и порыв ветра взметнул его соломенные волосы, миг спустя вновь опустившиеся на уши юноши непокорной пышной копной.

“Я всегда превосходно рисую!” - заявил он с привычным ему апломбом. Веселые зеленые глаза зажглись шальным огнем.

“Да, всегда... но сейчас... сейчас картина как будто живая!” - пояснил Пьер свое удивление.

Они сидели на берегу реки, в тени раскидистого дерева, чьи длинные ветви уже тронули первые почки. Воздух был полон весенних ароматов и стрекота, подсказывавших, что Природа наконец-то выходит из зимнего сна.

Тот Пьер, Пьер далекого прошлого, едва ли замечал окружившие его красоты... зато теперешний Питер грезил ими, и пейзажи родной деревеньки посещали его в самых сокровенных снах.

Но тогда он больше интересовался пейзажем, запечатленным на картине приятеля.

“Что-то я не узнаю это место... - протянул Пьер, изучая созданный воображением друга сюжет. - Где ты его увидел?”

Адриан пожал плечами, на его лице впервые появилось нечто, похожее на неуверенность.

“Не знаю... придумал. Приснилось” - и он издал нервный смешок.

“Красиво!” - повторил в очередной раз Пьер, не отводя глаз от картины. Он просто не мог оторвать от нее взгляд, она его пленила некоей простотой, безыскусностью и в то же время правдивостью. Он верил в то, что видит. Как там сказал Адриан? Придумал? Приснилось? Нет, нет... изображенное им место существовало где-то и когда-то, не могло не существовать.

“Хочешь, подарю?” - насмешливо осведомился парень, наблюдая за восторгом друга, который и не думал скрывать своих чувств.

Пьер вскинул голову и недоверчиво воззрился на собеседника:

“Правда подаришь?” - уточнил он.

Адриан коротко рассмеялся:

“Да я еще нарисую! А эту бери. Бери!”

Пьер прижал к себе обрывок холста, словно тот был самым дорогим ему существом. Да, именно обрывок, ведь Адриан всегда рисовал на чем придется: на стенах, дощечках, альбомных огрызках... доступ к дорогой бумаге у бедняков был ограничен. Но если хочешь и можешь творить, подобные мелочи тебя не остановят. А Адриан хотел и безусловно мог. И его ничто и никогда не останавливало. Тем более пустяк вроде бедности...

«Спасибо!» - истово поблагодарил Пьер, не скупясь на улыбку. Ему не трудно, а Адриану приятно.

Пьер забрал картину с собой и долгие вечера любовался ею. Он жил с родителями и братьями-сёстрами мал-мала-меньше и все дни проводил в работе (которая преимущественно состояла в тяжёлом физическом труде, ведь дел в деревне всегда хватало!); на себя оставалось совсем мало времени. Разве что вечера и ночи. Да ещё редкие солнечные часы в жаркий полдень, когда они с Адрианом сбегали от суеты, уединялись близ реки и отдыхали: болтали, смеялись, делились небогатыми новостями... обсуждали девчонок. В 21 веке слово «уединялись» звучало бы

двусмысленно, но тогда ни одному из них не пришло бы в голову ничего крамольного. Они были молоды, они дружили... вот и все.

Вернёмся, однако, к картине. Пьер хранил ее с другими такими же сувенирами и памятными мелочами - бесполезными для других, но важными для него. Он вынимал ее, когда рядом никого не было (не дай бог засмеют), и обычно это происходило поздними вечерами. В те времена об электрическом освещении никто еще не слыхивал, так что приходилось полагаться на неверный свет свечного огарка или дожидаться ясных полнолуных ночей.

Именно в одну из подобных ночей все и произошло. Пьеру не спалось, и он выскользнул из дома на свежий воздух, прихватив с собой заветный холст. Парень и сам не понимал, почему вновь и вновь изучает творение Адриана... выучил уже до последней черточки, а тяга не отпускает. Смотрит, смотрит, словно ищет что-то. Но вот что?

Пьер пристроился близ ангара, в уютном местечке, где его никто не заметил бы. Впрочем, кто станет искать его среди ночи? Однако он привык к осторожности.

Укромность выбранного уголка не означала кромешную тьму, наоборот, лужайка была ярко освещена серебристым светом полной Луны, сверкающим кругляшом повисшей в чёрной бездонной вышине.

«Откройся, откройся мне...» - шептал Пьер то ли себе, то ли холсту, то ли волнующей ночи. Ему хотелось понять свою тягу к картине друга... талантливо исполненной, но просто картине. Что в ней столь необыкновенного?

И он в который раз постарался ответить на собственный вопрос.

Пруд, заросший густой высокой травой. Небо диковинного серебристо-лилового оттенка. Ива, тянущая длинные тонкие ветви к самой воде. Простой сюжет... и дивно притягательный. Кажется, еще мгновение, и картина оживет...

И она действительно ожила. Пьер мог поклясться, что видит, как шевелятся ивовые ветви, видит рябь, подернувшую поверхность тихого пруда... Парень даже потер глаза, чтобы убедиться, что не уснул.

Тут все и случилось. Что «все» он не знал и не узнал. В будущем строил сотни теорий и гипотез, однако то были лишь его вялые попытки привнести логику в события, уму обыкновенного человека неподвластные.

Что же он почувствовал тогда, годы и годы тому назад? Что подумал, когда с испугом осознал: мир вокруг стал другим, изменился? Всего секунду назад он, Пьер, сидел у ангара в своей родной деревне, а теперь лицезреет знакомый пруд! То есть знакомый лишь по картине...

Нет, не вспомнить уже своих мыслей. Помнится лишь охвативший его трепет, эдакий священный ужас. Отчасти - благоговение.

Безумным себя парень не считал, вовсе нет. Будь он продуктом 21 века - вероятно, подобные предположения и пришли бы ему в голову... но дитя затерявшихся столетий не могло считать чудо чем-то невозможным. «Божий промысел или козни Дьявола» - пришел к выводу тот давнишний Пьер. Смирился с неизбежным и постарался

адаптироваться к новому миру - миру, в который его забросил Злой (или все же добрый?) Рок.

Это оказалось неожиданно легко. Пьер никогда не причислял себя к числу глупцов, но ярким умом тоже не обладал... или просто не было поводов проявить способности собственного разума? Как бы то ни было, непривычные условия словно заострили его рассудок, отточили мысли.

Питер не лгал своей утренней гостье, Франсуазе, он действительно с легкостью приспособился к новому окружению. Не минуло и пары суток, а парень уже ощущал себя в незнакомой реальности, как рыба в воде, будто всегда жил здесь, с самых ранних лет.

Много воды утекло с тех давних пор... он путешествовал из мира в мир, надеясь однажды вернуться в родное время. Не сложилось. По крайней мере, - пока. Покуда он жив, не устанет искать картину, которая исполнит его мечту и позволит вновь увидеть дорогую сердцу деревеньку. Позволит хоть издали взглянуть на людей, чья значимость не померкла и годы спустя.

Вот только где она, эта картина-проводник? Где искать ее? Быть может, удастся самому выступить в роли создателя и совершить маленькое чудо?

Картины-проводники, кстати, бывали разными. Некоторые, подобно творению Адриана, переносили его в мир, отраженный в самом сюжете. Иные (например, Черный Квадрат Малевича) перемещали в реальность, ничем не связанную с тем, что изображено на холсте. Каждое путешествие было своего рода сюрпризом, и произойти могло, что угодно.

Что ж, он прошел огромный путь как личность, и нынешний Питер мало чем напоминает юного и наивного Пьера, друга Адриана. Порою молодой человек гадал, каким бы стал к зрелости, не случись того, что случилось... был бы он иным? Не таким, как сейчас? Трудно сказать... да и незачем.

Жалел ли он о своей необычной судьбе? Отчасти да... пожалуй. Конечно, его нынешняя жизнь полна эмоций, красок, новых впечатлений, ее не назовешь скучной. Однако ему не хватало простоты... не хватало покоя. Питер устал от перемен, устал приспособиваться... и терять любимых людей... особенно женского пола, разумеется. А потери были неминуемы: как ни закаляй собственное сердце, а иногда против воли увлекаешься некоей очаровательницей больше, чем хотелось бы. И понимаешь, что забрать ее с собой невозможно. И не уйти нельзя! Реальность рано или поздно начнет его выбрасывать из собственных недр, выталкивать на обочину мира насильно. Так случалось уже не раз, увы.

...Он пришел в себя, лишь когда за окнами слабо забрезжило утро. Первые солнечные лучи робко проникли в студию: пока не грели, толком не освещали, только намекали, что очередной день постепенно вступает в свои права.

Питер выпрямился, сладко потянулся. Он так и не сомкнул глаз всю ночь, погруженный в собственные воспоминания, однако усталости не ощущал. Голова слегка кружилась, словно от голода, но то были пустяки.

Хотелось действовать. Хотелось... творить? Пожалуй...

Боясь упустить вдохновение (весьма редкую для него гостью!), Питер метнулся к мольберту, к которому был прикреплен заготовленный для Франсуазы холст. Именно на нем он собирался изобразить свою новую пассию. Может, попробовать воплотить в жизнь этот замысел? Пока есть настроение созидать...

И он принялся за дело.

* * *

Пару часов спустя Питер сидел в кафе неподалеку от дома и пил уже третью чашку эспрессо. Ночное бодрствование в итоге дало о себе знать, веки то и дело норовили опуститься, но новоявленный художник не мог позволить такую роскошь, как сон... по крайней мере, в ближайшие часы. Сначала нужно завершить начатое.

-Что-то получается... - шептал он, не обращая внимания на людей вокруг. Впрочем, час был ранний, и кафе пока оставалось полупустым, посетителей было немного; они заполнят собою окрестные кофейни к полудню. - О да, да, что-то получается!

Его охватил ажиотаж. После стольких лет (десятилетий!), проведенных в поисках Картин с большой буквы, Питер мог с легкостью отличить просто хорошую работу от гениальной... в некотором роде. И потому сейчас был уверен на 100 (нет, 200!) %, что его старания не прошли даром, и он наконец-то нащупал правильный подход к своему творчеству. Парень нисколько не претендовал на гениальность, вовсе нет. Скорее, роль сыграли опыт, чутье... ну и обыкновенное везение, должно быть.

Он с удовольствием изучал карандашный набросок, сделанный им рассветным утром в собственной мастерской. Всего пара штрихов, но образ Франсуазы вполне узнаваем. Более того, девушка казалась живой... думалось, еще немного - и она улыбнется ему, заговорит с ним. Живая Картина, Картина с душой! О, ему удалось решить задачку, и искать очередного талантливого художника не пришлось. Да и как его найти в мире, где люди переключились на цифровые виды искусства? Априори мертвые...

“Даже странно, что мне помогла именно Франсуаза” - подумал Питер, откладывая альбомный листок, послуживший ему холстом.

Да, почему Франсуаза? Что в ней столь особенного? Просто миловидная и неглупая молодая женщина... несколько хитрая, не без второго дня... но, пожалуй, не подлая. Родись она в иные века, стала бы отличной интриганкой при французском дворе... а здесь ей приходилось довольствоваться ролью просто красивой кокетки.

Может, в том и дело? Он, Питер, родом из ранних столетий. И все его странствия пришлись на пору былых эпох... а Франсуаза - прекрасный образчик дамы, которая прижилась бы в среде, скажем, Людовика 14. В ее силах было бы очаровать, влюбить в себя короля-солнце! Стать еще одной его фавориткой (коих у французского монарха и без того было немало).

“Ага, и ты хочешь ее забрать с собой, - ехидно подначил себя Питер, подавляя вздох. - Думаешь, она с радостью составит тебе компанию в твоих попытках вернуться в мир прошлого?”

Неволью представилась Франсуаза, старающаяся приноровиться к обычаям 18 или 16 столетия. Впрочем, обычаи и нравы - это ерунда, к ним легко приспособиться. А как быть

с гигиеной? С отсутствием привычного жителям 21 века комфорта? Даже ему, Питеру, придется учиться жить без мобильной связи, без Интернета! Без нормального туалетного блока. Канализации. Он привык к удобству, к хорошему вообще привыкаешь в два счета.

Но у него нет выбора. Рано или поздно он должен будет уйти... а у Франсуазы выбор есть. А раз так, и размышлять не о чем. Она не согласится, не захочет стать спутницей в его странствиях по мирам и вселенным.

Он подал знак официанту, и тот неслышной тенью скользнул к его столику.

-Да, месье? Могу чем-то еще вам помочь?

-Счет пожалуйста, - попросил Питер.

Пора возвращаться... и прощаться... он снова отправится в путь, и снова не сможет взять с собой женщину, которая почти его покорила... вернее, покорила бы, будь его жизнь устроена несколько проще.

Однако на сей раз он оставит своей красотке прощальную записку. Захочет - поймет. Захочет - поверит.

* * *

Ирена была уверена, что Питер не сможет долгое время сопротивляться ее чарам, и после первой ночи последует вторая, третья... а там и до замужества недалеко. Уж где, где, а в постели лже-Франсуаза была истинной мастерицей. Она знала, как стать мужчине незаменимой в спальне... ну а покорив мужчину на территории сна, можно смело перемещаться в иные помещения, ту же кухню, например. Конечно, проявить себя блистательной кухаркой ей едва ли удастся, но этого и не понадобится, если удачно стартовать.

А она, Ирена, стартовала вполне удачно. Питер был пленен, он скоро ей позвонит. Напишет. Даст о себе знать тем или иным способом. А как иначе?!

Однако шли дни, а от Питера не было ни слуху, не духу.

Удивленная и уязвленная (вот так провал!), девушка рискнула разыграть карту современной женщины без комплексов и сама позвонила ему.

“Набранный вами номер не существует”

Ей пришлось выслушать сообщение пять раз, прежде чем она смогла поверить холодному голосу робота, бесстрастно сообщившему ей, что достучаться до абонента будет непросто.

“Что с ним случилось?!” - разозлилась Ирена. В голову ей не приходило ни одной мало-мальски убедительной причины подобного исчезновения. Пускай он не хочет иметь с нею дела... но отключать телефон и отказываться общаться?! Слишком трусливо, а Питер не производил впечатление мужчины слабохарактерного.

Поколебавшись какое-то время, Ирена решилась на личный визит. В конце концов, почему бы и нет? Что в этом особенного? Она - женщина без предрассудков, лишенная старомодных убеждений... мужчина вовсе не обязан проявлять инициативу. И нет

ничего предосудительного в стремлении представительницы прекрасного (отнюдь не слабого!) пола сделать первый шаг.

Нужно изобразить порыв страсти, притвориться, будто невероятно скучала... волновалась. Жаждала увидеть. А еще сказать, что не в силах была и дальше томиться ожиданием... пускай поверит в ее влюбленность, это польстит его самолюбию.

“Впрочем, все это лишь отчасти будет притворством!” - мысленно утешила себя девушка, готовясь к спонтанному визиту.

Следовало прийти во всеоружии, а значит, она должна выглядеть лучше, чем всегда. Задача не из разряда легких, ведь и в иные дни Ирена прилагала массу усилий, чтобы производить наилучшее впечатление. Превзойти самое себя - возможно ли это?

Пожалуй, ей удалось задуманное. Сорок минут раздумий, переодеваний и верчений возле зеркала - и дело сделано, можно любоваться полученным результатом.

-Неплохо, - пробормотала Ирена, изучая собственное отражение с видом строгого критика.

“Неплохо” было весьма скромной оценкой ее усилий. Она выглядела превосходно, но без нажима. Соблазнительно, но не вульгарно... истинный французский шарм. Даром, что его обладательница на самом деле полячка!

-Пора, пора... - пробормотала Ирена, подбадривая себя. - Все будет хорошо.

Конечно, будет, а как иначе? Он не устоит... ни один мужчина с традиционной ориентацией не сможет справиться с подобной ей.

* * *

Вопрос тайминга - один из ключевых, о чем бы ни шла речь, и амурные дела не исключение. Так что выбрать правильный момент, чтобы нагрянуть неожиданным визитом, очень важно... И Ирена это прекрасно понимала. Придешь не вовремя - и сыграешь в свои же ворота, добьешься совсем не того эффекта, на который рассчитывала!

Фальшивая француженка долго колебалась между поздним вечером и ранним утром и в итоге решила прийти чуть ли не на рассвете. Она знала по рассказам Питера, что тот посвящает первые часы зарождающегося дня своему специфическому творчеству, считая, что утренний свет - наилучший в этом смысле. А значит, много шансов застать “объект” бодрствующим и вдохновленным... а там видно будет.

“А вдруг он нежится в объятиях другой музыки? - с невольной ревностью подумала Ирена, переминаясь с ноги на ногу у заветной двери. - Откроет мне заспанный и злой... а за его спиной будет маячить полуголая красотка”

Девушка пожалала плечами и печально улыбнулась нарисованной воображением картине. Что ж, если ее опасения подтвердятся, она постарается сохранить лицо и поскорее ретируется. И по крайней мере будет знать, что здесь ловить нечего. Нет ничего нелепее и унизительнее пустых надежд и выстроенных на песке мечтах. Воздушные замки хороши, когда тебе 17... а не 27.

Незванная гостья решительно нажала на звонок и замерла, мучительно прислушиваясь к тишине по ту сторону двери... надеясь различить шаги по паркету, услышать признаки жизни, понять, что Питер там, что он существует... ведь ей уже начинало казаться, что она придумала своего обворожительного француза. Вдруг именно так начинается безумие?

Нет, никаких шагов. Или его действительно нет, или он спит, нисколько не потревоженный ее трезвоном.

“Что с ним произошло?!” - в изрядном раздражении подумала Ирена и толкнула дверь... сама не зная, зачем. Пожалуй, просто из желания выплеснуть эмоции и выместить злость хоть на чем-то!

Девушка не рассчитывала на какой-то результат, однако дверь, к ее изумлению, приоткрылась. Питер забыл запереть квартиру, когда уходил? Или он все-таки дома?

-Питер! - позвала Ирена, осторожно переступая порог. - Ты тут? У тебя было открыто...

Опять никакого ответа. Девушка нахмурилась и, отбросив ненужные сейчас сомнения, решительно прошла в недра апартаментов. Смущаться можно будет потом, извиняться перед хозяином за внезапное вторжение - тоже! В конце концов, она имеет полное право беспокоиться.

Впрочем, выяснилось, что извиняться пока не перед кем... Питера дома не оказалось.

* * *

Ирена могла бы уйти, даже стоило, пожалуй... однако она не стала этого делать. Ей хотелось дождаться нерадивого хозяина (хотя бы попытаться!), понять, что с ним произошло... поговорить откровенно. Ну или настолько откровенно, насколько подкажут чутье и обстоятельства.

Девушка расположилась в студии Питера. Утренний свет ярко озарял помещение, и картины, как ни странно, действительно показались ей более выигрышными... некоторые почти понравились. А может, у нее просто наконец-то появилось время как следует их изучить. Одно дело - рассматривать произведение, когда автор оно стоит у тебя за спиной, и совсем другое - побыть наедине с искусством, попытаться осмыслить увиденное и понять для себя, нравится ли тебе то, что изображено.

Ирена неспешно переходила от картины к картине, у каждой останавливалась и внимательно, придирчиво ее оценивала. Иные вызывали у нее удивление, иные - пробуждали симпатию. Она редко понимала то, что видит... но на сей раз ПРИНИМАЛА. Ну... не все, но хоть что-то. И считала это определенным прогрессом.

Наконец, незванная гостья остановилась у очередного мольберта, к которому был приколот альбомный листок со сделанным словно бы наспех карандашным наброском. Девушка всмотрелась в рисунок... и обмерла, пораженная, ибо узнала себя. О да, это была она, причем совершенно нагая! Как лаконично... и как точно.

Не колеблясь ни секунды, Ирена решительно открепила листок, желая изучить собственный портрет поближе. Раз она послужила моделью, натурщицей, да еще и бесплатно, имеет полное право забрать “картину” себе. Или по меньшей мере рассмотреть ее получше.

На другой стороне листка было что-то написано по-французски. Ирена никогда не видела почерк Питера, но кто еще мог быть автором этого краткого послания? Лишь он, конечно.

“Ирена, это тебе. Прости и прощай. Ухожу... спасибо за вдохновение”

Она перечитала прощальную фразу несколько раз, не уверенная, что понимает ее смысл. Он уходит, куда? И за какое вдохновение ее благодарит?

“Может, моя картина стала... эээ... тем, что он искал?” - с нарочитой насмешливостью подумала Ирена и зябко передернула плечами. Нет, ей не было холодно... скорее, страшно. Она, конечно, не поверила рассказу Питера, однако сейчас поневоле задалась вопросом: а вдруг он ей не лгал? Не фантазировал? Вдруг... он на самом деле обладает способностью путешествовать в прошлое и будущее, используя картины? И вдруг именно ее портрет стал очередной дверью в неизвестное?

“Ерунда!” - разозлилась Ирена.

Эдак можно во что угодно поверить, даже в Санта Клауса. Она слишком умна, чтобы поддаться минутной слабости. У всего произошедшего есть какое-то простое объяснение, нужно лишь его найти.

Успокоив себя подобным манером, девушка хотела было вновь закрепить альбомный листок на мольберте, но в последний миг передумала. Разве Питер не написал, что портрет принадлежит ей? Значит, она вправе забрать его с собой.

А если Питер решит, что она воровка, тем лучше. Пусть разыщет ее и устроит скандал. Хоть какой-то повод увидеться вновь...

* * *

У нее появилась привычка рассматривать перед сном свой портрет. Раньше она любила, уже лежа в постели, полистать ленту в Инстаграме или Фейсбуке, теперь же вместо череды ярких картинок чужой жизни изучала прощальный дар Питера.

Дань тщеславию, возможно? В конце концов, пускай ее изображение было весьма лаконичным, почти схематичным... но однозначно комплементарным! Даже она, Ирена, понимала это. Ведь в целом ей больше нравилось искусство строго академическое, доступное простому обывателю.

Поначалу ей хотелось опубликовать свой портрет в соцсетях, похвастаться им... но она не решилась. Слишком много вопросов сразу последует, а отвечать на них она еще не готова. Сначала нужно самой разобраться в собственных эмоциях... и в своем отношении к исчезнувшему художнику.

...Портрет вызывал у нее смешанные чувства.

Прежде всего, гордость. Она, Ирена, смогла стать для Питера вдохновением (не ее, а его слова!). Быть чьей-то Музой весьма лестно и почетно.

Грусть. Ей было жаль своей мечты, своей нафантазированной жизни в роли супруги обеспеченного молодого француза, на досуге развлекающегося созданием пустяковых картин.

Обида. Он не доверился ей, ушел, не прощаясь... следуя отнюдь не французскому обычаю, если верить поговоркам! Уйти по-английски - как мелко, неправильно... недостойно!

Страх. Да, девушке было не по себе при мысли о Питере, исчезнувшем столь внезапно и необъяснимо. Чего бояться, казалось бы? Разве он первый мужчина, который испарился после ночи любви с некоей красоткой? И все же, все же... все же ей было страшно.

А вдруг рассказанное им - правда? Немыслимо, невозможно, абсурдно! И тем не менее - вдруг? Что они знают о тайных законах Вселенной? Некогда полагали, будто мир плоский, и идея и его шароподобности могла бы показаться нелепой. Конечно, и сейчас находятся поклонники теории Плоской Земли, но это уже другая история.

Итак, если позволить себе некоторую вольность и допустить на миг, что Питер не врал, не приукрашивал, не сочинял... не бредил. Если допустить, что он говорил правду и только правду... тогда получается, что он вновь пересек черту реальности и покинул ее родной мир, ее любимый Париж 21 века ради очередного виража судьбы.

“И меня с собой не позвал... - не без грусти подумала Ирена. - Или он просто не мог?”

Да и зачем ей следовать за ним в неизвестность? Вдруг они окажутся не в прекрасном будущем с еще более развитыми, чем сейчас, технологиями, а в одном из столетий прошлого? Отказаться от благ цивилизации ради возможности сохранить связь с человеком, в которого она почти влюбилась - стоит ли игра свеч? Пожалуй, что нет.

“Вот в чем дело! - осознала Ирена наконец, и от этого открытия по ее телу прошла дрожь. - Вот оно что... я влюбилась”

Как она умудрилась? Как позволила себя потерять голову по-настоящему? Вроде бы просто играла, изображала заинтересованность и страсть... а в итоге влюбилась. И поняла, что оказалась заложницей собственных чувств только теперь... когда жертва ускользнула. Так всегда и бывает в жизни. Мы понимаем, чего лишились, когда вернуть утраченное уже не в наших силах.

С этой мыслью Ирена и заснула той ночью. И снился ей Питер.

Он был одет в некоем средневековом стиле (по крайней мере, именно в такого рода нарядах красовались актеры в исторических сериалах), его шевелюра была длиннее, чем в жизни, а на лице появились усы и бородка клинышком (которые ему, как ни странно, шли). Сама же Ирена была облачена в роскошное платье с пышной многоярусной юбкой, тугим корсетом и тесным корсажем, который приподнимал ее аппетитную грудь и выставлял практически на всеобщее обозрение. Темные волосы, в реальности коротко, по-мальчишески стриженные, во сне превратились в тщательно уложенные локоны, украшенные бриллиантовым гребнем. Ни дать, ни взять сказочная принцесса...

Они гуляли по парку, выполненному в духе Версальского. Сияло солнце, пели птицы, царил идеальный майский денек.

“Почему ты ушел?” - настойчиво спрашивала своего спутника Ирена.

“Я должен был” - с каким-то мрачноватым торжеством отвечал тот.

“Но ты мог взять и меня с собой!”

“Если ты хочешь последовать за мной - я не против... ключ в твоих руках”

Ирена удивленно нахмурилась; в руках у нее был лишь изысканный золоченый веер.

“Не понимаю...” - протянула она.

“Не тут! - раздраженно возразил парень. - Я подарил тебе ключ!”

На этом сон оборвался, растаял, как оставленное на солнцепеке мороженое... Ирена проснулась и обнаружила, что никакого парка нет и в помине, как нет и Питера, и она по-прежнему лежит в своей постели под тонким покрывалом. Более того, судя по темноте за окном, утро еще не наступило.

-Какой странный сон... - хрипло пробормотала девушка, садясь в постели и растерянно приглаживая растрепавшиеся волосы (и заодно убеждаясь, что они все еще короткие). У нее не было привычки говорить вслух в минуты одиночества, но сейчас ей вдруг захотелось услышать звучание собственного голоса и убедиться, что она бодрствует, и ночная греза - просто игры разума. Ведь так?

“Он подарил мне ключ... что за ключ?” - подумала Ирена, воскрешая детали сна.

Что ж, речь могла идти только о картине, о портрете. Это единственный подарок Питера, по сути. Даже цветов он ей ни разу не приоднес. Не из жадности, нет... просто не успел.

Следуя импульсу, Ирена щелкнула выключателем настольной лампы, и кровать залил кружок пронзительно-желтого электрического света, по контрасту с которым остальная часть комнаты окончательно погрузилась во мрак. Девушка потянулась к столику и нащупала заветный альбомный листок.

Распрямив его на коленях поверх одеяла, Ирена наморщила лоб, в очередной раз всматриваясь в изученный вдоль и поперек рисунок. Что она упустила из виду? И упустила ли? Наверно, глупо верить сну, но, с другой стороны, подобные грезы - реакция нашего мозга, разве нет? Возможно, собственный разум подсказывает ей, своей невнимательной хозяйке, нечто, ранее упущенное? Вдруг ей стоит обратить на что-то внимание?

Поначалу ничего особенного (или нового) она не заметила. Однако пару минут спустя усилия принесли свои плоды; полячке показалось, что портрет словно ожил... она не была поклонницей книг о Гарри Поттере, но кое-что читала и знала, что в придуманном госпожой Роулинг мире магов, мире чародейства и волшебства, персонажи картин и фотоснимков были живыми, они могли двигаться, мыслить, беседовать с людьми, перемещаться. И сейчас ей почудилось, что творение Питера обрело те же свойства.

По телу Ирены прошел озноб, и девушке пришлось приложить немало усилий, чтобы тотчас не оттолкнуть альбомный листок. Она не любила чудес, не терпела загадок... по крайней мере, ТАКИХ. Ей хорошо жилось в реальном, понятном мире, без паранормальных эффектов.

“Это просто игра света и тени, - успокоила себя Ирена. Сердце ее бешено колотилось, пальцы дрожали. - А еще ночь... воображение...”

Она продолжала изучать картину, и та, вместо того чтобы вернуться в рамки “нормальности”, только подлила масла в огонь. Портрет задышал подобного живому... более того, Ирена была уверена (ну... ПОЧТИ уверена), что ощущает некое дуновение

ветра, исходящее от альбомного листка. Возникло чувство сквозняка, прорывающегося в приоткрытую дверь. Думалось, если сделать небольшой рывок, дверь распахнется настежь, и останется переступить порог и шагнуть... куда? В Другой мир? Последовать за Питером?

Вот теперь Ирена испугалась по-настоящему. Отшвырнув портрет, словно тот ужалил ее, девушка зарылась лицом в подушку и накрылась с головой одеялом. Примерно так же мы в детстве прячемся от монстров под кроватью...

“Дура, идиотка! - ругала она себя. - Что ты напридумывала?!”

Подобные самоуверения ничуть не помогли, и девушка пролежала без сна до утра, ворочаясь с боку на бок и борясь с собственной тревогой. А при свете дня спрятала подарок Питера в дальний ящик комода... и постаралась вычеркнуть все, с ним связанное, из памяти.

* * *

Сказать легче, чем сделать. Ей действительно хотелось забыть тот краткий и яркий отрезок своей жизни, но память - странная штука. Нам не дано управлять собственными воспоминаниями... и они воскрешают в самый неподходящий момент, причиняя боль или вызывая меланхолию.

Так было и с нею. Ирена пыталась не думать о Питере, которого и знала-то всего ничего. И в течение дня ей отлично удавалось отгонять непрошенные мысли. Другое дело - вечера. Предательски одинокие, унылые, они словно магнитом притягивали картины прошлого, и те вставал перед глазами девушки, как живые.

Иногда (очень редко!) Ирена доставала свой портрет и с опаской его изучала... и в иные моменты ей вновь начинало казаться, что картина дышит, что она зовет ее куда-то. Вот только девушке не хватало смелости последовать этому зову. Смелости или осмотрительности? Ума? На подобный вопрос она отвечала каждый раз по-разному.

“Но однажды я рискну! - думалось ей порою. - Я уйду... уйду”

Возможно, пройдут годы, прежде чем она решится на столь эпатажный шаг... скорее всего, не решится никогда. Однако иметь возможность уйти - уже утешение. По крайней мере, ее, Ирену, это немного подбадривало.

...Пару лет спустя Ирена словно бы канула в Лету, исчезла, как будто ее никогда и не существовало. Ее не сразу хватились, ведь девушка сознательно прервала все контакты со своим польским прошлым, а новые знакомства завязывались плохо.

Тем не менее, одна из подруг экс-модели однажды попыталась связаться с ней, но безуспешно. Никто не знал, где теперь Ирена (которую большинство знало как Франсуазу), что с ней произошло, жива ли она. Поиски затевать было некому, и о красотке-полячке, мечтающей стать француженкой, позабыли.

Никто не удосужился обыскать ее комнату, иначе непременно обнаружил бы на прикроватном столике дивной работы портрет, написанный на потертном альбомном листе... портрет, который мог бы ответить на вопрос о том, куда подевалась Ирена.

БАХНЕНКО Елена

Но никого не интересовала ее судьба. И некому было строить догадки... разве что вам, мой читатель.